

КНИЖНАЯ
ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Водная прогулка по главной «улице» Петербурга

ПЕТЕРБУРГ: ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ

Татьяна Соловьева
Царица города —
Нева

Книжная лавка писателей

Татьяна Соловьева

**Царица города – Нева.
Путеводитель по
водному Петербургу**

2017

УДК 94 + 725
ББК ТЗ(2р-4Ле-2С.-П.)0

Соловьева Т. А.

Царица города – Нева. Путеводитель по водному
Петербургу / Т. А. Соловьева — 2017 — (Книжная лавка
писателей)

ISBN 978-5-906150-98-1

Триста с лишним лет назад на берегах Невы возник город, которому была суждена великая судьба. История «блистательного Санкт-Петербурга» неразрывно связана с этой рекой. Она стала «главной улицей» города, к которой были обращены фасады дворцов и особняков, а ее величественные гранитные набережные, причалы и спуски стали украшением молодой столицы, приводя в восхищение иностранных гостей. По Неве доставляли «Гром-камень» для постамента Медному всаднику, на ее льду пролилась кровь декабристов, с Невы крейсер «Киров» вел огонь по врагу во время ленинградской блокады. Река вдохновила множество художников и поэтов на замечательные произведения искусства, а инженеров и мостостроителей подвигла вступить в единоборство с коварной стихией невских наводнений. Вместе с известным петербургским историком Татьяной Соловьевой приглашаем читателей на историческую прогулку по берегам Невы от петровских времен до наших дней. Мы познакомимся как со знаменитыми, так и малоизвестными дворцами и памятниками, узнаем о славных зодчих и замечательных личностях, живших и творивших на ее берегах. Всем, кто влюблен в Петербург, тем, кого не оставляет равнодушным романтика разведенных мостов и белых ночей, посвящается эта книга.

УДК 94 + 725
ББК ТЗ(2р-4Ле-2С.-П.)0

ISBN 978-5-906150-98-1

© Соловьева Т. А., 2017

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГА	9
О НЕВЕ	11
О НАВОДНЕНИЯХ	13
ИЗ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ НАБЕРЕЖНЫХ	19
ДУХОВНЫЕ ВОРОТА НЕВЫ	21
АНГЛИЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ	29
НАБЕРЕЖНАЯ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Соловьева

Царица города – Нева Путеводитель по водному Петербургу

ВСТУПЛЕНИЕ

Известно, как самозабвенно любил Петр I водные просторы. Полноводная, еще более широкая в петровское время Нева с мощным течением околдовала его. Идея создания здесь новой русской твердыни целиком захватила его помыслы. И вот на берегах Невы по воле Великого преобразователя вознесся загадочный призрачный город, которому царь дал имя своего святого, – Санкт-Петербург.

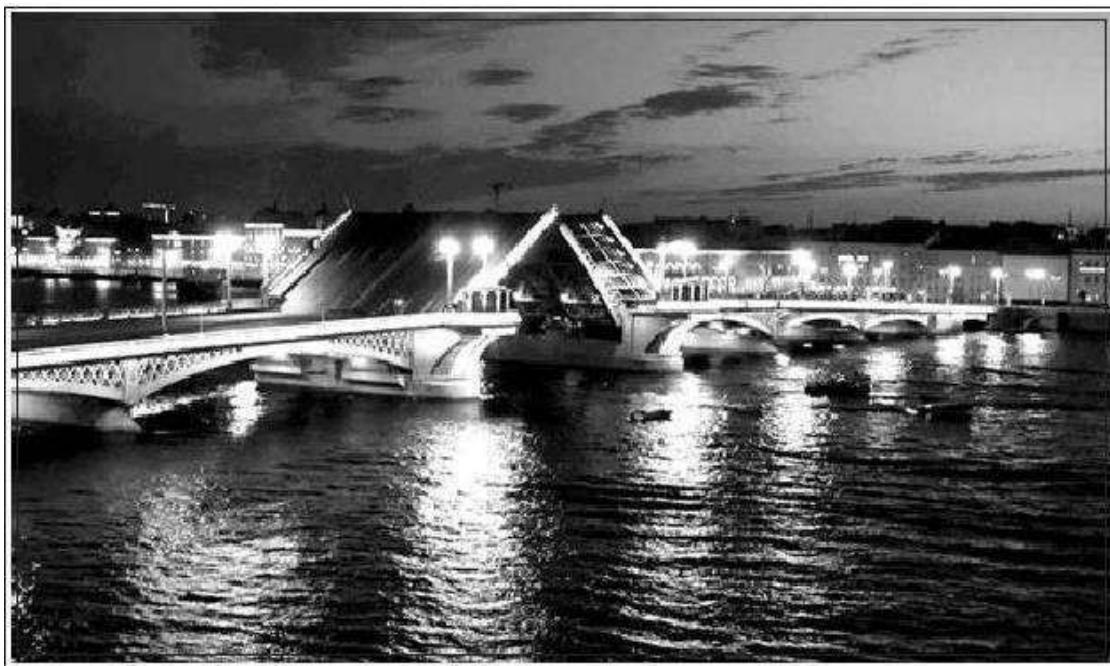
Александр Сергеевич Пушкин идею зарождения нового города в думах Петра Великого описал так:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
<...> И думал он:
Здесь будет город заложен...
<...>
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой встать при море.

Итак, Санкт-Петербург возник на берегу Невы. В XVII–XVIII веках, когда основное передвижение осуществлялось по воде, река играла первостепенную роль в судьбе новой столицы, став ее главной жизненной артерией, а впоследствии и главным украшением. Своим указом царь повелел вельможам строить каменные дома вдоль невских берегов, заставлял укреплять и украшать береговую линию. Петру хотелось, чтобы основанный им город с проплывающих судов выглядел нарядно и богато.

Этому правилу следовали и все следующие императоры. Они лично следили за строениями по берегам Невы. Гранитное обрамление и прекрасные здания, выросшие вдоль реки, стали достойным ожерельем красавицы Невы.

И уже начиная с конца XVIII века те, кто хотя бы раз прикоснулся к уникальной гармонии Петербурга, понимали, что ничего нет прекраснее в нем величественной Невы с ее строгими линиями набережных. Ибо для Санкт-Петербурга они составляют всё!

Мощная симфония воды и камня мало кого оставляет равнодушным. А тот, кто почувствовал эту гармонию сердцем, до конца дней останется ее пленником. Об этом существуют многочисленные высказывания гостей Северной столицы. Так, француз, маркиз Астольф де Кюстин, побывавший здесь в 1839 году, весьма плохо отзываясь в своих воспоминаниях о России, изменил свой тон, когда увидел Неву: «Нева, ее мосты и набережные – это действительно гордость Петербурга. Вид Невы так величественен, что по сравнению с нею все остальное кажется мизерным...». Позднее французская журналистка С. Терн с восторгом написала: «Эта царственная Нева, такая широкая, что Сена рядом с ней показалась бы ручейком, Нева из голубоватого серебра между берегами из розового гранита, прямая и гордая, как королева, с ее шпилями, дворцами, прекрасными фасадами занятных нежных расцветок, и все рукава, протоки, глянцево-ленивые реки сопровождают ее как фрейлины».

Воды в Неве словно живые. В зависимости от погоды они выглядят по-разному. В ясный солнечный день они синие или зеленые – в зависимости от времени суток и облаков на небе. Но бывают дни, когда вода в Неве кажется совершенно черной, отчего становится жутко. Когда мне плохо, я иду к Неве. Ее воды поглощают мое мрачное настроение, и я, как Антей, коснувшийся земли, возвращаюсь, наполненная силой и внутренней энергией.

Невой и Санкт-Петербургом был очарован и оставил свои воспоминания Джон Куинси Адамс, ставший впоследствии одним из почитаемых президентов США.

Однажды Хилари Меттерних, жена последнего консула ФРГ в России, обратилась ко мне со словами: «Я ничего не видела прекраснее этого... Вот, что нужно показывать приезжающим, и когда люди увидят набережные Невы, ваш город может затмить все другие города мира...» (впоследствии я узнала, что она искусствовед по образованию, много видела и хорошо знала мировую архитектуру).

В начале XX века великий князь Александр Михайлович констатировал: «Тот иностранец, который посетил Санкт-Петербург в 1914 году, почувствовал бы непреодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице российских императоров».

О притягательной силе Санкт-Петербурга писали и продолжают писать многие. Известно, как страдали вынужденные покинуть город петербуржцы, как мечтали в него вернуться. И, пожалуй, самым острым и более всего вспоминаемым моментом была невозмож-

ность вновь увидеть Неву и ее набережные. Вот такими словами выразила эту страстную тоску по Неве разлученная с городом поэтесса Елизавета Васильева:

«Я вижу Соборов колонны,
Я слышу дыханье реки,
И ветер твой, ветер соленый,
Касается влажной щеки.
Отходит обида глухая,
Смолкает застывшая кровь,
И плачет душа, отдыхая,
И хочется, хочется вновь
Туда, вместе с ветром осенним
Прижаться, припасть головой
К знакомым холодным ступеням,
К ступеням над темной Невой.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГА

Город на невских берегах отличается от всех других городов и столиц, обычно возникших стихийно, тем, что создавался по плану и желанию одного чрезвычайно волевого царя, с 1721 года – всероссийского императора.

Разбив шведов и отвоевав Ниеншанц, находившийся на правом берегу Невы, на месте впадения в нее реки Охты, Петр I осуществил свою мечту: получить свободный выход в море. Он полюбил это место, где протекала широкая, мощная и глубокая Нева, и своей властью заставил всех приближенных бросить насиженные места и начать возводить здесь новый город. В первые же годы строительства Санкт-Петербурга Петр I определил центром его Городской (Петроградский) остров, где появилась Петровская набережная. После того как все помыслы царя устремились к Васильевскому острову, начали устраивать и его набережные (впоследствии названные Николаевская (Лейтенанта Шмидта), Университетская. Когда же центр города окончательно утвердился на Адмиралтейском берегу, оформились Верхняя Невская (впоследствии Дворцовая), а затем Нижняя Невская, или Галерная (позднее Английская набережная). Значительно позже была оформлена Адмиралтейская набережная.

Следует заметить, что в первое время после завоевания этих и близлежащих земель царь не думал делать Санкт-Петербург столицей. Мысль эта возникла у него гораздо позднее. А сначала, после завоевания Ниеншанца, Петр решил создать здесь мощные укрепления для защиты от нападений с моря: построить две крепости (Петропавловскую и Адмиралтейскую), а вокруг возвести портовые и жилые сооружения.

Панораму Невы в первые годы жизни города так воссоздал один из корреспондентов журнала «Нива»: «...на Васильевском острове высились батареи, на левом берегу Невы строилось деревянное Адмиралтейство с верфью и палисадами и был заложен деревянный соборный храм во имя св. Исаакия».

Строительство молодого города шло быстрыми темпами, и в 1712 году царь официально решил сделать Санкт-Петербург новой столицей. Никаких указов на этот счет не последовало, просто царский двор, а за ним и официальные учреждения переместились из Москвы в Петербург.

Прошли годы, и облик Санкт-Петербурга стали определять другие ансамбли: Стрелка Васильевского острова, улица Зодчего Росси, площади Искусств, Дворцовой, Исаакиевской; ансамбль Невского проспекта и другие архитектурные шедевры. Прекрасные, величественные, они – неотъемлемая часть панорамы города и привычно считаются его «лицом».

Парадный фасад города Святого Петра – это Нева с ее гармоничными, рукотворно созданными набережными. Их ансамбли складывались на протяжении XVIII – начала XX веков

Формированием уникальной гармонии в разное время занимались крупнейшие архитекторы, среди них Андреян Захаров, Джакомо Кваренги, Бартоломео Растрелли, Карло Росси, Андрей Воронихин, Андрей Штакеншнейдер, Жан-Франсуа Тома де Томон, Вениамин Стуккей, Карл Рахау, Александр Красовский, Альберт Бенуа и многие, многие другие. Немалую роль играло и то, что облику домов, стоявших на главных набережных, большое значение придавали российские императоры, которые просматривали проекты и ставили на них заключительную подпись. Как уже говорилось, эта традиция началась еще с Петра I и продолжалась до начала XX века.

Предлагаю разместиться поудобнее на палубе старинного судна и отправиться в путешествие по Неве, благодаря которой по ее берегам возник такой необычный, притягивающий души и взоры город. Поначалу мы узнаем об истории застройки набережных Большой Невы, рассмотрим мосты, под которыми пройдет наше судно, остановимся возле памятника основателя города. А закончим нашу прогулку в самой широкой точке Невы – у Стрелки Васильевского острова.

О НЕВЕ

С этим именем связано несколько версий. В переводе с финского *neva* обозначает глубокое болото. Со шведского *ny* – новый. Некоторые исследователи допускали возможность происхождения слова «Нева» от общего древнего корня со значением «Новый». Существуют и другие предположения.

Судоходная на всем своем протяжении Нева имеет общую длину 74 километра. Она соединяет Ладожское озеро с Финским заливом. Причем это единственная река, вытекающая из Ладожского озера. В пределах города Нева имеет протяженность 32 километра, средняя ширина ее составляет около 500 метров, а глубина достигает 24 метров.

Так, современный берег от Летнего сада в сторону Невы был выдвинут на 50 метров, у Зимнего дворца на 90, а Стрелка Васильевского острова отвоевала себе у воды почти 120 метров! В сторону Невы выступала и набережная Лейтенанта Шмидта.

Воды Невы – словно живые. В зависимости от погоды они выглядят по-особому. В ясный солнечный день – синие или зеленые, подчиняясь времени суток и цвету облаков на небе. Но бывают дни, когда вода в Неве кажется совершенно черной, отчего становится жутко.

Чрезвычайно интересное воспоминание о Неве оставил Владимир Соллогуб. Он писал, что для детей, живших в домах набережной, река воспринималась живым существом, от которого многое зависело: «...То развернется она белою сахарною степью, и по ней играют лучи зимнего солнца. Это обозначало: дети, идите гулять. То вдруг прозрачная лазурная высь начинает туманиться быстро бегающими сизыми валунами, разрывающимися в лохмотья... Все завертелось, закружилось... На Неве разыгралась метель. Дети, сидите дома! Зато в светлые, как день, весенние ночи каким очарованием дышала Нева!.. Много видал я впоследствии и рек, и морей, и гор беловершинных, и степей беспредельных, но ничто никогда не внушало мне такого привольного чувства, как затишье Невы в весеннюю ночь».

В петровское время Нева была шире, чем сегодня. К ее сужению привела забивка в воду свай и подсыпка земли с целью укрепления берегов и увеличения ширины набережных

В XVIII – начале XIX веков на Неве можно было услышать роговую музыку. Музыканты плыли в лодках по Неве и исполняли разные мелодии. В летнюю ночь эти звуки производили неизгладимое впечатление, разносясь по простору реки. Считалось, что роговую музыку изобрел гофмаршал Нарышкин, у которого имелся и самый лучший оркестр роговой музыки, где каждый музыкант исполнял только одну ноту. Эту музыку кто-то из современников Нарышкина назвал «живым органом». Подобная игра производила хорошее впечатление, но не на близком расстоянии, – говорили слушатели. Вот как об этой музыке и музыкантах вспоминала мадам Жермена де Сталь: «Мы слушали музыку редкого и известного в России оркестра. Состоял он более чем из двадцати музыкантов, и каждому из них назначено брать особую ноту; по названию этой ноты дают кличку и самому музыканту. Так, например, когда проходит один из них, говорят: «Вот это “соль”, другой – вот это “ми” или “ре”».

О НАВОДНЕНИЯХ

Когда над Балтикой проходят циклоны с преобладанием западных ветров, через Финский залив к устью Невы катится мощная волна, там она сталкивается с естественным течением реки,двигающемся во встречном направлении. Подъем воды усиливается из-за мелководья в Невской губе. Воды Невы выходят из берегов и затопляют город. Обычно это происходит осенью.

С каким ужасом вспоминал Владимир Соллогуб о самом большом наводнении, которое наблюдал из окон своего дома: «...однажды река перестала быть рекою и обратилась в море бешеное, разъяренное, смывающее Петербург с лица земли. Это было 7 ноября 1824 года». Он писал, что детям не раз случалось просыпаться ночью от пушечных выстрелов. Но после того как им объясняли, что это сигнал о подъеме воды, они засыпали. Но в ночь на 7-е канонада не умолкала. К утру все подвалы дома были залиты, вода начинала заполнять двор... Мы наскоро оделись и побежали в приемные, выходявшие окнами на набережную... нельзя было различить, где была Нева, где небо. И вдруг в глазах наших набережная исчезла! Вода все прибывала и стала затоплять переулок. В доме стало известно, что из берегов вышла Мойка, водой разрушен Конюшенный мост, а детей уже более всего занимало течение воды по Мошкову переулку, где плыли ушаты, бочки, мебель, и надгробные кресты! <...> Рассказывали, что перед Зимним дворцом плыла будка с часовым. Увидав стоявшего у окна государя, часовой сделал будто бы “на караул” и был спасен».

Наводнения постоянно беспокоили местное население еще до основания Петербурга. Шведские летописи сохранили воспоминание о том, что первые жители места, на котором ныне расположен город, не строили каменных домов. Их дома были деревянные, которые быстро разбирались. При первых признаках наводнений люди разбирали такие домики и привязывали их и скarb к заранее приготовленным плотам, которые, в свою очередь, привязывали к деревьям. Сами же спасались на Дудеровой горе.

Эти же летописи донесли до нас воспоминание об одном из самых сильных наводнений еще до основания города – наводнении 1691 года, когда «вода покрыла все места, занимаемые теперь городом, на двадцать пять футов (*в то время была принята единица длины в системе английских мер, по которой 1 фут равнялся – 0,3048 м – Т.С.*) высоты...». Такие наводнения, по приметам местных жителей, случались здесь с периодичностью примерно каждые пять лет.

О наводнении 1706 года, первом наводнении с года основания Санкт-Петербурга, повествует письмо императора Петра I к Меншикову: «Третьего дня ветром вест-зюйд такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромы было сверху пола 21 дюйм (*1 дюйм – 2,54 см – Т.С.*) и по городу и по другой стороне по улице свободно ездили на лодках. Однако ж не долго держалась: менее трех часов. И здесь было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели – не только мужики, но и бабы. Вода хотя и зело велика была, беды большей не сделала...».

Наводнения были и в 1713, и в 1715 годах. В 1720 году, как писал М. Пыляев о сохранившейся в народе легенде, – явился пророк, который предсказывал, что 23 сентября, к зачатию Предтечи, с моря нахлынет вода в город, за отступление их от православия, т. е. за новые гражданские порядки». Интересно, что наводнение в тот год действительно было, но не того числа и месяца, когда указал пророк.

Сильное наводнение случилось 5 ноября 1721 года, о нем сохранилось воспоминание камер-юнкера Ф. Берхгольца: «С ужасом смотрел я на разные суда, оторванные ветром и уносимые бурными волнами; вода с необыкновенной силой проникала в дома, ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш. Около половины второго часа вода, наконец, начала

уменьшаться». После этого наводнения Петр I издал указ: «Как вода начнет прибывать, то весь рогатый скот и лошадей отсылать в лес...». По некоторым воспоминаниям, знатные люди, имевшие двух- и трехэтажные дома, укрывали своих лошадей в верхних этажах.

Довольно сильные наводнения в XVIII веке происходили в 1723, 1725, 1726, 1729, 1736, 1744, 1752, 1755, 1756, 1762, 1764 годах. Но самое высокое поднятие невской воды в XVIII веке случилось 10 сентября 1777 года. Оно началось в 10 часов утра. Вода быстро заполнила весь город на «10 футов и 7 дюймов». Такая высота держалась до семи часов вечера, а затем начала убывать. По воспоминаниям очевидца того стихийного бедствия, «небольшой купеческий корабль переплыл мимо Зимнего дворца через каменную набережную. Любское судно, загруженное яблоками, занесено было ветром... в лес; почти по всем улицам ездили на маленьких шлюпках, и тогдашний обер-полицеймейстер, Чичерин, проехал на ялике от своего дома у Полицейского моста (*ранее – Зеленый, ныне – Народный – Т.С.*) прямо в Зимний дворец...».

Императрица Екатерина II в письме к ученому Гримму очень подробно описала это наводнение: «Я рада, что вчера в полдень возвратилась из Царского. Была отличная погода; но я говорила: “Посмотрите, будет гроза”, потому что накануне мы с князем Потемкиным воображали себе, что берем крепость штурмом. Действительно, в десять часов пополудни поднялся ветер, который начался с того, что порывисто ворвался в окно моей комнаты. Дождик шел небольшой, но с этой минуты понеслось в воздухе все, что угодно: черепицы, железные листы, стекла, вода, град, снег. Я очень крепко спала; порыв ветра разбудил меня в пять часов. Я позвонила, и мне доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: “Если так, отпустите часовых с внутренних дворов; а то, пожалуй, они вздумают бороться с напором воды и погубят себя”; сказано, сделано; желая узнать поближе, в чем дело, я пошла в Эрмитаж. Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческие корабли. Я сказала: “Боже мой! Биржа переменила место, графу Миниху придется устроить таможню там, где был эрмитажный театр”. Сколько разбитых стекол! Сколько опрокинутых горшков с цветами! И как будто под стать цветочным горшкам, на полу и на диванах лежали фарфоровые горшки с каминов... Большое окно упало на землю подле самого стола, весьма прочного, на котором десерт расставлен... Погреба мои залиты водою, и бог весть, что с ними станет...».

Императрица могла подтрунивать над непогодой, но совсем не до шуток было людям, попавшим в водоворот реки в ночное время. Это наводнение унесло огромное количество человеческих жизней и животных. Несмотря на то, что впоследствии вода поднималась еще выше, таких потерь уже не было.

После этого бедствия Екатерина II приказала учредить правила, по которым жителей города оповещали о грядущем поднятии воды. Правила гласили: «Когда в Коломнах и в Галерной гавани вода начинает выходить на берег, то дан будет сигнал: тремя выстрелами из пушек, и будет поднято на шпиге (*имеется в виду шпиг Адмиралтейства – Т.С.*) всех четырех сторон по красному флагу, а ночью три фонаря; также пойдет барабанщик бить в барабан; в случае же сильной опасности для всех жителей из Адмиралтейства крепости будет сделан сигнал пятью выстрелами из пушек и выставлены будут на адмиралтейском шпиге со всех сторон белые флаги, а ночью по два фонаря». Одновременно Екатерина приказала составить план города с обозначением мест затопления.

Возможно, благодаря принятым мерам оповещения населения позднейшие наводнения 1788 и 1802 года и не принесли такого количества жертв среди горожан.

Наводнение 1824 года. Самые значительные повреждения зафиксировали на Васильевском острове. Все его линии оказались заваленными бревнами, принесенными с прибрежных пакгаузов, и крестами и оградами со стертого с лица земли Смоленского кладбища

Рядом с Гаванью были разрушены почти все дома, в том числе каменные: суда, стоящие в акватории порта, срывало с якорей, и они таранили все строения, находящиеся на пути.

Как уже говорилось, наводнение 7 ноября 1824 года было самым высоким за всю историю города. Вода поднялась выше ординара (ординаром называется средний уровень моря, определенный по длительным, около 100 лет, измерениям его высоты на пристани возле Горного института) на 13 футов и 7 дюймов. Сохранились многочисленные воспоминания этого стихийного бедствия. Известный журналист Булгарин писал: «Разъяренные волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невой составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом, как широкою рекою, до самого Аничковского моста. Мойка, подобно всем каналам, скрылась от взоров и соединилась с водами, по которым неслись леса, бревна, дрова, мебель. Вскоре мертвое молчание водворилось на улицах...». Другой очевидец этого бедствия, Башуцкий, писал: «Зрелище уничтожения и гибели было ужасно. Зимний дворец, как скала, стоял среди бурного моря, выдерживая со всех сторон натиск волн, с ревом разбившихся о крепкие его стены, и орошавших его брызгами почти до верхнего этажа. На Неве вода кипела, как в котле, и с неимоверною силой обратила вспять течение реки; набережные дома казались парусами кораблей, нырявших среди волн; мосты были сорваны и разнесены на части, <...> огромные массы гранитной набережной были сдвинуты с места и вовсе опрокинуты».

Ужас горожан, поначалу как зрелище воспринявших это стихийное бедствие, превратившееся в трагедию, гениально передал великий Пушкин в поэме «Медный всадник»:

Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей не в мочь...

По утру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
И пуще, пуще свирепела.
Приподымалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь.
И, наконец, остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало и вокруг
Все опустело – волны вдруг
Вломились в улицы, в подвалы,
С Невой слились ее каналы.
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.
Осада! Приступ! Лезут волны,
Как звери, в окна. С ними челны
С разбега стекла бьют кормой;
Мосты, снесенные грозой,
Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бедных, рухлядь их,
Колеса дрожек городских,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по городу!..

После этого наводнения вода выше ординара в XIX веке поднималась несколько раз. Это происходило и в 1827, и в 1830, и в 1879 годах, и позднее.

В двадцатом столетии наиболее высокий подъем воды на Неве произошел 23 сентября 1924 года – ровно через 100 лет после наводнения 1824-го! Газеты писали: «Днем 23 сентября, при сильном ветре с моря, после трех часов началось быстрое прибытие воды, уровень которой к 8 часов вечера достиг 12 футов (366 см) выше ординара... Население было предупреждено об угрожающем наводнении и в большинстве мест успело своевременно очистить улицы и перейти в верхние этажи... Были частичные пожары. Снесено несколько мостов: Сампсоньевский (Свободы), Гренадерский и др.».

В конце XX века неподалеку от Английской набережной у Синего моста была установлена шкала наводнений, случившихся в XX веке. Самая высокая линия в 4,1 метра против ординара – это наводнение 1824 года, немного ниже – линия подъема воды на 3,69 метров в 1924 году. Далее следуют наводнения 1955, 1903 и 1967 годов. Нет на этой шкале третьего по высоте воды – 3,10 м выше ординара – наводнения 21 сентября 1977 года. Нет на шкале и наводнения 1921 года, запечатленного на гравюрах П. Шиллинговского, хотя они рассказывают об огромных разрушительных действиях этого бедствия, в частности на Дворцовой набережной.

Первая и основная шкала наводнений создана и существует в Петропавловской крепости еще со времени наводнения 1824 года.

Подсчитано, что за время существования Санкт-Петербурга воды Невы поднимались выше ординара на 150 метров более 230 раз (по некоторым данным более чем 320). Самые сильные наводнения, по наблюдениям специалистов, происходят один раз в столетие

С наводнениями пытались бороться с первых лет строительства Петербурга. Петр I, задумывая центр города на Васильевском острове, предполагал перерыть его большими каналами и поднять на нем уровень земли. В правление Елизаветы Петровны отец славного полководца, князь Илларион Матвеевич Кутузов представил императрице проект «О проведении канала для предотвращения жителей столицы от губительных последствий наводнения». Проект понравился Елизавете Петровне, но воплощен в жизнь был только при Екатерине II. Этот канал получил название в честь императрицы – Екатерининский, ныне – Грибоедова.

С этой же целью при Александре I началась и завершилась постройка Обводного канала, который, как и Екатерининский, в какой-то степени сыграл свою роль в отведении большой воды от города во время наводнений. В XIX веке многие видные ученые представляли свои проекты по предотвращению наводнений, но ни один из них не был реализован.

Комплекс защитных сооружений Петербурга от наводнений представляет собой две дамбы из песка и суглинка, соединяющие остров Котлин (на котором расположен Кронштадт) с берегами Невской губы. В дамбах построены два сооружения для обеспечения судоходства и шесть водопропускных для свободного стока воды. Сооружения оборудованы затворами, которые обычно открыты и свободно пропускают воду. При угрозе наводнения затворы закрываются и изолируют город от моря. Уровень воды в изолированной части поднимается за счет стока реки, но происходит это медленно и не представляет угрозы городу.

Стоит заметить, что, по многочисленным воспоминаниям, императоры всегда принимали участие в спасении погибавших во времена наводнений. Широко распространена версия о том, что Петр I умер от воспаления легких, полученного в результате спасения утопающих во время наводнения. О спасении утопающих посланниками Александра I писал и Владимир Соллогуб, наблюдавший это из окна своего дома.

Во второй половине XX столетия было принято решение о строительстве дамбы, защищающей Неву от встречных вод, наносимых ветрами. И уже вскоре началось воплощение задуманного проекта. Сложная конструкция дамбы, предложенная учеными, гарантированно должна была спасти город от наводнения. Несколько раз ее строительство прерывалось из-за нехватки средств. И вот, наконец, 25-летний долгострой завершился! Долгожданное событие произошло 12 августа 2011 года. Постройкой дамбы решился один из важнейших вопросов, приносящих городу бедствия.

ИЗ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ НАБЕРЕЖНЫХ

Первая (деревянная) набережная, соединившая Адмиралтейство с Летним садом, была устроена еще при жизни Петра I в 1715 году. После этого деревянные набережные стали устраивать по всем берегам Невы. До второй половины XVIII века деревянную береговую обшивку раскрашивали «под кирпич». Но дерево служило недолго, обшивку часто приходилось менять.

Камень выпрямил очертания береговой линии, придал набережным богатый и помпезный облик. Гранитные парапеты через определенные промежутки прорезались плавными спусками к воде. Все спуски решены по-разному. Авторы многих гранитных набережных и спусков, к сожалению, не установлены

Идея создания гранитной набережной возникла в правление Екатерины II, в 1750-х годах, в связи со строительством Зимнего дворца. И вот, по окончании строительства, 12 июля 1862 года были выделены средства на обрамление Невы «диким морским камнем» – гранитом. Такое обложение Невы Дворцовой набережной началось в 1763-м, а закончилось в 1767 году.

Вслед за Дворцовой в гранит оделся левый берег Невы от Литейного двора до Фонтанки (современная набережная Кутузова) и от Адмиралтейства до Галерного двора (современная Английская набережная). Строительство этих набережных велось в 1767– 1788 годах. В начале XIX века была оформлена Университетская набережная, а в середине века – Николаевская (Лейтенанта Шмидта).

После того как первые набережные оделись в гранит, их строгая красота стала привлекать внимание художников. Гранитные набережные с возведенными на них домами писали и гравировали известные мастера петербургского пейзажа Ф. Алексеев, И. Майр, В. Садовников, Б. Патерсен, Г. Треттер, М. – Ф. Дамам-Демартре и другие.

Особой любовью отмечены живописные виды набережных Большой Невы у Бенджамина Патерсена. Швед по происхождению, он стал одним из тех иностранцев, которых пленила красота Петербурга. Приехав около 1787 года в столицу в поисках хорошего заработка и не найдя его, Патерсен не покинул город, прожил в нем тридцать лет и умер в нищете, оставив после себя более ста картин, акварелей и гравюр с видами Петербурга.

Серия его известных гравюр 1799 года (ныне хранящихся в Государственном Эрмитаже, Государственном музее Санкт-Петербурга и других собраниях) позволяет увидеть застройку левого берега Невы от Литейного дома до Галерного двора, где сегодня размещается Адмиралтейский завод.

И уж никак не мог пройти мимо «своего» Петербурга наш великий Пушкин:

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.

<...>

В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва...

ДУХОВНЫЕ ВОРОТА НЕВЫ

Освящение воды в Неве

Начиная с петровских времен к Неве относились с особым почтением. При Петре I возник обычай ежегодного освящения воды. Это начинание поддерживали и другие императоры. Освящение воды в Неве представлялось как одно из самых значимых событий.

Император Николай II, члены императорской фамилии, высшие офицерские чины, священнослужители у Иордани на набережной Невы во время водосвятия

С каждым годом это мероприятие проходило все пышнее и пышнее и обрело значение государственного праздника. Были установлены особые правила проведения этого события. Согласно им все начиналось с молебна в Зимнем дворце с участием императора, высшего духовенства и всех приближенных лиц. Затем в определенном порядке, возглавляемые духовными лицами, императором и его семьей, все участники молебна по Крещенской лестнице спускались к Неве.

Заранее от дворцового берега на Неве сооружались специальные настилы, по которым вся процессия спускалась к открытой воде. Первыми шли лица высшего духовного звания. За ними следовала царская семья и весь двор. В момент освящения воды раздавались пушечные залпы. Вслед за этим святой водой окропляли русские знамена. В указанном порядке процессия торжественно возвращалась во дворец, где были накрыты праздничные столы.

Особой пышностью обставлялось это событие во время правления Александра II. Вот как описывал это важное для России священнодействие французский писатель Теофиль Готье: «Нева – это сила Санкт-Петербурга. Ей воздают почести и с большой помпой освя-

щают ее воды. Эта церемония, которую называют крещением Невы, происходит 6 января по русскому стилю. Я присутствовал на ней, глядя из окна Зимнего дворца. <...> Сначала проходит церковная служба в часовне дворца. После службы царский кортеж отправился через залы дворца к месту крещения или, скорее, освящения Невы. Император, великие князья в военных мундирах, служители церкви в облачениях из золотой и серебряной парчи в красивых священнических одеждах византийского покроя, пестрая толпа генералов, офицеров высших чинов, проходя в залах сквозь плотную массу выстроенных в линии войск, являли собою великолепное и впечатляющее зрелище. На Неве, напротив Зимнего дворца, у самой набережной, с которой его соединяла покрытая ковром лестница, был воздвигнут павильон или, скорее, часовня с легкими колоннами, поддерживающими решетчатый купол, покрашенный в зеленый цвет. Под куполом, окруженный лучами, парил Святой Дух.

Посередине площадки под куполом был устроен обрамленный перилами колодец-прорубь. На Неве в этом месте прорубили лед. Линия расставленных далеко друг от друга солдат ограждала на реке свободное пространство вокруг часовни. Положив около себя каски, солдаты стояли с непокрытыми головами, ноги их были в снегу; они держались совершенно неподвижно, так что их можно было принять за придорожные столбы.

Под самыми окнами дворца, сдерживаемые всадниками, били копытами землю лошади черкесов, лезгин и казаков, входивших в эскорт императора: очень странно видеть среди самой высокой цивилизации – не на ипподроме и не на подмостках сцены – прямо-таки средневековых воинов в кольчугах, вооруженных луками и стрелами или одетых по-восточному. Вместо седла они сидели на персидских коврах, вместо сабли бряцали дамасскими изогнутыми клинками, исписанными стихами из Корана. Подобные персонажи могли бы входить в кавалькаду какого-нибудь эмира или калифа...

Праздник Крещения на Неве, 2016

Кортеж выехал из Дворца, и из моего окна сквозь двойные рамы я увидел, как император, великие князья, священники вошли в часовню, которая вскоре наполнилась людьми до отказа, так что с трудом можно было проследить за жестами священников, отправлявших службу над прорубью. Выставленные на другом берегу, на Биржевой набережной, пушки палили поочередно в кульминационные моменты службы. Большой шар голубоватого дыма, пронизанный молниями, рассеивался между снежным ковром реки и серо-голубым небом, затем слышен был взрыв, от которого дрожали стекла. Выстрелы раздавались один за другим совершенно регулярно. Как все, что представляет собой силу, пушки обладают элементами одновременно чего-то ужасного, торжественного и веселого. Их гремевший в сражениях глас прекрасно сочетается с праздниками. Пушки приносят в праздник ту частицу радости, которая была неизвестна древним, не имевшим ни колоколов, ни артиллерии... Грохот! Только он может говорить при большом стечении народа и быть слышим среди необъятных просторов. По окончании церемонии войска прошли парадным маршем, зеваки мирно разошлись, без заторов, без свалки, по обычаям самой спокойной в мире русской толпы».

После революционных событий об этом славном обычае было забыто... Отрадно, что в наши дни традицию освящения невских вод возобновил петербургский университет.

В начале XX века каждое судно, плывущее по Неве в Санкт-Петербург, проходило сквозь своеобразные «Духовные ворота», которые создавали православные храмы «Спас-на-Водах» и «Успения Пресвятой Богородицы», а также имевшая большое значение для иностранцев католическая Английская церковь. Судна проходили «ворота» по освященным водам Невы, что создавало особую духовную атмосферу при их въезде в город Святого Петра.

Все эти святыни в советское время были закрыты, а «Спас-на-Водах» полностью уничтожен. Храму на Васильевском острове, можно сказать, повезло. Так это или нет, рассмотрим в кратком повествовании об истории этого храма.

Храм Успения Пресвятой Богородицы

Первоначальный участок, где стоит храм, принадлежал Подворью Киево-Печерской лавры. В начале XVIII века он был небольшим. Но вскоре подворье приобрело еще три соседних участка. За неимением средств подворье сдавало участок внаем. По некоторым данным здесь находились подворья Троице-Сергиева монастыря (Лавры), Псковского Архиепископского дома. Известно, что в 1756–1765 годах участок арендовала Академия наук. В 1766 году Киево-Печерская лавра передала землю Псковской епархии. В 1874 году Подворье вновь заняла Киево-Печерская Лавра и построила здесь небольшой деревянный храм. Но уже вскоре храм перестал вмещать всех верующих прихожан, они стояли за порогом. Поэтому Киево-Печерским подворьем было принято решение о постройке нового храма. Его строительство началось в 1891-м и закончилось в 1900-х. Разработкой проекта занимался выдающийся архитектор культовых сооружений Василий Косяков – автор Морского собора в Кронштадте, церкви Милующей Божьей Матери на Большом Проспекте Васильевского острова и многих других. Он же и осуществлял руководство этой постройкой.

Прекрасный, возведенный в модном в то время неорусском стиле, пятиглавый храм на берегу Невы высоко вознесся над соседними домами и стал играть важную роль в панораме южного берега Васильевского острова. Его купола украшены орнаментальной резьбой. Впервые в Санкт-Петербурге при строительстве церкви гладкие части куполов были облицованы листами алюминия. Орнаментальная резьба, покрытая золотом, и светлые листы

алюминия создают эффект сочетания золота с серебром. Кокошники фасадов декорированы цветными изразцами. По предположениям, в росписях внутри церкви участвовал замечательный художник Виктор Нестеров. Иконы расписывали сестры Московского Новодевичьего монастыря.

Храм пользовался большой популярностью жителей. Но недолго пришлось в нем молиться прихожанам. После 1917 года началось уничтожение храмов. Печальной судьбы не удалось избежать и этому подворью. С 1918 года под предлогом «уплотнения» жилых помещений и предоставления жилплощади нуждающимся людям начали постепенно «выживать» из келий монахов. В ночь на 23 августа 1930 года под предлогом «систематической задержки разменной серебряной монеты и подрыва тем самым денежного обращения в СССР» начался арест служителей церкви. Их осудили и отправили по этапу в северные концлагеря. Несмотря на это до конца 1933 года церковь действовала. Но вскоре арестовали последних служителей церкви и активных прихожан, обвинив их в подготовке убийства Сталина. Среди арестованных был певчий храма – Михаил Васильевич Гундяев, отец Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. На следующий год церковь закрыли и превратили в склад.

В 1956 году здание преобразовали в первый в СССР закрытый каток. Очевидно, сыграла свою роль внутренняя конструкция церкви, где нет ни устоев, ни колонн, а один большого размера неф в виде креста. Пол был покрыт искусственным льдом. Здесь тренировались многие выдающиеся мастера фигурного катания, среди которых многократные чемпионы СССР и мира Людмила Белоусова и Олег Протопопов.

Храм Успения Пресвятой Богородицы на набережной Лейтенанта Шмидта – выдающийся памятник русской церковной архитектуры, играющий роль доминанты в архитектурном ансамбле Васильевского острова

В конце 1980-х годов церкви начали возвращать верующим. И в 1991 году Киево-Печерское подворье стало подворьем мужского монастыря Козельской Свято-Введенской Оптиной Пустыни.

К этому времени храм пришел в полную негодность. В алтаре находились мощные холодильные камеры, полностью отсутствовал пол, стены растрескались, росписи на них были закрашены семью слоями масляных красок, кое-где оштукатурены. Казалось, восстановление невозможно. Но реставраторы смело взялись за работу, и уже в 1993 году в южном приделе храма началось богослужение. Реставрация продолжалась.

И, наконец, 15 сентября 2013 года Патриарх Кирилл освятил храм «Великим чином». Сейчас богослужения в храме проходят ежедневно.

Храм Христа Спасителя (Спас-на-Водах)

Об уничтоженном храме Спас-на-Водах расскажем более подробно, так как возможно, по прочтении этого повествования появятся по-настоящему активные, грамотные, заинтересованные в воссоздании этой святыни люди.

Он был возведен в 1911 году на берегу Невы в месте слияния Невы и Адмиралтейского канала. Этот храм явился завершением ансамбля Английской набережной.

Храм должен был увековечить память о русских моряках, погибших на войне с Японией. По окончании войны в Петербурге было установлено несколько памятников в честь ее участников – военных моряков. Так, в 1908 году в сквере у Никольского собора открыли обелиск, увенчанный бронзовым орлом, на его постаменте – бронзовые доски с именами 833 моряков, погибших в Цусимском бою. В 1911 году установили обелиск в Петергофе (он не сохранился). В том же году в Александровском парке на Петроградской стороне был открыт монумент работы скульптора К. Изенберга – памятник во славу подвига моряков миноносца «Стережущий».

Однако имелась потребность в сооружении, которое увековечивало бы память всех погибших моряков и дало бы возможность родным вспомнить о них в молитвах. Родственники погибших приходили молиться во временную церковь на взморье Васильевского острова. Объединенные общим горем, люди хотели увековечить память родных сооружением постоянного храма. Осенью 1908 года они обратились в Министерство внутренних дел с ходатайством о разрешении организовать Комитет по сбору пожертвований на храм. Николай II одобрил эту идею и 22 ноября 1908 года подписал разрешение. Был сформирован комитет, куда вошли командиры военных кораблей, инженер-строитель Сергей Смирнов, архитектор Мариан Перетяткович, скульптор Борис Микешин. Возглавить комитет было предложено великой княгине Ольге Константиновне. Комитет составил воззвание к народу. Газеты писали о том, как «бурно вырвалось наружу народное чувство, раскрылось золотое русское сердце, и со всех концов громадной нашей Родины, а также от зарубежных соотечественников полились щедрые пожертвования».

Для постройки храма намечалось три участка: на набережной в месте разделения Невы и Большой Невки, при слиянии Мойки и Пряжки и у строящегося Петропавловского моста. Но к всеобщему одобрению выбрано было другое место: берег Невы на западной стороне Ново-Адмиралтейского канала, напротив Кадетского корпуса (ныне Высшее военно-морское училище имени Фрунзе). Особо подчеркивалось, что храм должен стать не только святыней, но и напоминанием питомцам корпуса о подвиге их соотечественников.

В процессе работы над проектом будущего храма были использованы многие элементы и детали двух старинных русских соборов: храма Святого Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире. Храм и по внешнему облику своему повторял одноглавый Дмитриевский собор, построенный великим князем Всеволодом Большое Гнездо в 1194–1197 годах, только увеличенный в полтора раза: длина 9,2 сажени (20 м), ширина 6,33 сажени (14,5 м), высота с крестом 16,75 сажени (35,7 м). 1 мая 1910 года новый храм заложили, а освятили 31 июля 1911 года.

Торжественное освящение храма Спаса-на-Водах 31 июля (по старому стилю) 1911 года. На нем присутствовал император с дочерьми. Фото: Карл Булла

Архитектор храма-памятника – Мариан Перетяткович, видный теоретик градостроительства, один из крупнейших мастеров неоклассического направления, автор Католического собора (Ковенский пер., 7), дома страхового общества «Саламандра» (Гороховая ул., 4), банковского дома Вавельберга (Невский пр., 7 / 9), здания Русского торгово-промышленного банка (Большая Морская ул., 15) и других значительных сооружений. Строительными работами руководил молодой, но опытный и энергичный инженер Сергей Смирнов. Неутомимыми помощниками были студенты Академии художеств Н. Трикуленко и Института гражданских инженеров А. Джорогов. Все мозаичные работы выполнены по рисункам Н. Бруни и В. Васнецова в мозаичном отделении Академии художеств Т. Васнецовой, дочерью художника.

Несмотря на то, что здание возводилось по типу храмов Святого Покрова и Дмитриевского собора, в отличие от них оно имело два этажа. Нижний этаж находился под землей. Для разработки системы укрепления берегового грунта была создана специальная археологическая комиссия во главе с профессором Н. Покровским. Снаружи храм облицевали белым старицким камнем из каменоломен Тверской губернии и украсили рельефными изображениями из того же камня. В храме имелись хоры со скрытым ходом внутри стены. Такой же ход вел в нижнюю сводчатую церковь, напоминавшую палаты царя Алексея Михайловича в Кремле.

Крест на храме по своей форме повторял крест Дмитриевского собора. Полумесяц под крестом – древний символ священной власти.

Главные (северные) ворота со стороны Невы производили впечатление массивных и старинных. Они были изготовлены из металла особым способом и имели 28 рельефных изображений на библейские сюжеты, заимствованных с древних новгородских Васильевских ворот (IV век) в городе Александрове Владимирской губернии.

Церковь имела три входа. На верхнем архивольте каждого из них были высечены слова из Евангелия. В мастерской Академии художеств в технике мозаики набирались слова над воротами звонницы: «Вечная память морякам, живот свой на брани положившим в 1904–1905 годах».

Верхний этаж храма предназначался для увековечивания памяти погибших. Помещение декорировали панелями темно-зеленого и темно-красного мрамора, выше которых шла облицовка из старицкого белого камня. В стены вмонтировали мраморные панели с бронзовыми досками на них. На панелях высекали даты сражений и названия кораблей, а на бронзовых досках – имена всех погибших независимо от их звания, от адмирала до кочегара. Доски висели так, чтобы каждый мог прочесть знакомое имя. Мраморную стену иконостаса обрамляла завеса, вытканная в виде Андреевского флага.

Особое впечатление производил алтарь, изготовленный из белого камня, привезенного из Тульской губернии. В алтарь было вмонтировано большое мозаичное панно, изображающее Спасителя, шествующего по водам. Он одной рукой призывает к себе «кровью венчавшихся» моряков, другой благословляет могилу «мучеников Долга». На горизонте зарождается заря, предвещающая возрождение русского флота. Панно было выполнено в мозаичной мастерской Академии художеств по рисунку Н. А. Бруни. Именно по его сюжету церковь стала называться Спас-на-Водах.

Нижний этаж храма предназначался для хранения воинских реликвий. Перекрытый сводами, он весь был расписан по ярко-красному фону ликами святых и сценами из жизни Николая Чудотворца.

Выстроенный в духе раннего русского зодчества, символизирующий единство Руси, одноглавый храм Спас-на-Водах органично вписывался в окружающий его водный ландшафт и удачно завершал панораму Английской набережной. Вместе с построенной на противоположном берегу Невы церковью подворья Киево-Печерской лавры храм являлся своеобразными духовными воротами для прибывавших в город судов. Он стал постоянным напоминанием курсантам Морского кадетского корпуса о славном подвиге их старших товарищей, исполнивших долг верности присяге и погибших за Отечество.

Увы, храм, воздвигнутый на средства народа для поминовения русских моряков, простоял всего лишь 21 год. В марте 1932 года он был взорван, как и многие православные церкви.

В 1980-х годах общественность города заявила о необходимости воссоздания памятника Спас-на-Водах. Был организован инициативный Комитет по восстановлению храма. 27 мая 1998 года в 93-ю годовщину Цусимского сражения и 295-й год со дня рождения Санкт-Петербурга был положен и торжественно освящен закладной камень будущей часовни. Под ее основание был положен православный крест, привезенный из Франции священником Солдатенковым. 23 мая 2002 года состоялась торжественная церемония поднятия креста на часовне храма. Появилась реальная надежда на возрождение уникального памятника!

В ноябре 2006 года в жизни восстановленной часовни храма Спас-на-Водах и ее прихода произошла почти сказочная история: руководителю возрождающегося храма позвонил церковный историк, капитан I ранга Никита Поздняков, и сообщил, что в поселке Вырица живут люди, желающие передать в храм вещи, некогда принадлежавшие Спасу-на-Водах.

Они, подвергаясь смертельной опасности, бережно хранили церковные раритеты, которые по завещанию отца Владимира (Рыбакова), последнего настоятеля храма, обещали вернуть в храм в случае его возрождения. Благословенный день настал, ценнейшие релик-

вии обрели в храме свое второе рождение. Это были икона Спаса Нерукотворного, икона Святителя Чудотворца, плащаница Спасителя, хоругвь с иконы Александра Невского, капитель угловой колонны Престола уничтоженного храма и Евангелие 1904–1905 годов.

А в 2007 году Русский музей передал храму сохранившиеся после взрыва мозаичные фрагменты украшений храма. Среди них – голова Христа, находившаяся над главным входом в святилище. На представлении фрагментов представитель Русского музея рассказал, что все эти годы сотрудники музея прятали мозаики, не оформляя их официально, что и позволило вернуть их воссоздаваемому храму.

Так, постепенно, приходят в уничтоженный и воссоздаваемый ныне храм Спас-на-Водах его родные вещи. Очень верится, что это не последние счастливые возвращения церковных реликвий в разоренный «дом».

АНГЛИЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

С 1703 года она называлась Нижней, с 1737-го – Галерной, с конца XVIII века – Английской, с 1919-го – набережной Красного Флота, с 1994 года – снова стала Английской набережной.

Первая парадная набережная Адмиралтейского острова всегда выделялась гармонией и строгой красотой. Долгое время она играла для Санкт-Петербурга ту же роль, что и Парадная гостиная богатого особняка, где прибывавшие в дом важные гости оставляли свои визитные карточки. С Английской набережной начиналась их столичная жизнь.

Панорама Английской набережной. Это одна из самых длинных гранитных набережных левого берега Большой Невы, ее протяженность составляет 1260 метров

Значение Английской набережной в жизни города было особенно велико в XVIII–XIX веках, когда здесь кипела светская жизнь столицы. Именно в особняках на набережной устраивались балы, на которых присутствовала петербургская знать во главе с императором. Частыми гостями во многих домах бывали известные личности. С Английской набережной связано немало интереснейших страниц в истории города.

Английская набережная начинается зданием Сената, у площади Декабристов, и заканчивается домом Демидова-Гауша у Ново-Адмиралтейского канала. Ее особенностью является линейность: двухи трехэтажные дома на большом протяжении вписываются в одну горизонталь, которая вместе с параллельными линиями гранитной набережной и лентой воды придает завершенность и целостность всему ансамблю, несмотря на то, что здания не имеют стилистического единства. Многие дома здесь – ценные памятники культуры, истории, архитектуры. Некоторые из них по художественной отделке, сохранившейся до нашего времени, представляют исключительный интерес.

Набережная в петровское время

История застройки набережной неразрывно связана с созданием верфи-крепости Адмиралтейства, которая вместе с примыкающими к ней служебными зданиями в XVIII веке как бы обрамляла дома береговой линии: вверх по течению Невы располагалось главное здание Адмиралтейства, позади домов размещались Канатный двор и сады. На месте Канатного двора и садов сейчас здания, имеющие четные номера по Галерной улице (с 1918 по 1990 год она носила название Красной). С другой стороны улицы дома с нечетной нумерацией, соответственно, выходят на Конногвардейский бульвар (с 1918-го – бульвар Профес-

сиональных союзов, с 1923 по 1990 год – бульвар Профсоюзов) и Адмиралтейский канал (с 1918 по 1990 год – канал Круштейна). Вниз по течению Невы район застройки набережной замыкал Галерный двор, окруженный каналами. Из них Ново-Адмиралтейский существует до сих пор.

Участки для строительства отводились людям в зависимости от их положения в обществе. Так, вверх по течению Невы свои дома имели «именитые работники» Адмиралтейства – Ф. Апраксин, П. Ягужинский, С. Рагузинский и другие (эти участки сегодня входят в состав застройки Дворцовой набережной).

Часть берега к западу от Адмиралтейства, там, где размещается Английская набережная, стала застраиваться позднее жилых районов вокруг Адмиралтейства и позднее всех набережных. Это объясняется тем, что Петр I, предполагая использовать удобный прямой береговой участок для служебных надобностей, не разрешал здесь строить частные дома. Исключительное право было предоставлено лишь А. Меншикову, на которого возлагалось общее руководство сооружением верфи-крепости. В 1710 году Меншиков возвел дом в непосредственной близости от Адмиралтейства. Судя по описаниям очевидцев, строение это имело немало просторных помещений. Оно стало называться «княжескими мазанками». Этот первый частный дом на набережной был и первым доходным домом в Петербурге. Весьма колоритное его описание оставил брауншвейгский резидент, живший в Петербурге с 1714 по 1719 год.

Пересказывая его, М. Пыляев писал: «В 1710 году Английская набережная имела непривлекательный вид, здесь жили одни бедные рабочие в жалких избушках. В 1716 году первый здесь выстроил князь Меншиков длинное и высокое мазанковое строение, покрытое черепицею, для постоянного двора, в которое и стал пускать за постоянные деньги от казны разных приезжих иностранцев-мастеровых <...> Рядом с постоянным двором Меншикова находился его же кабак для рабочих, занятых на постройке Адмиралтейской верфи. Кабаки в то время были крайне неряшливы, пиво в них стояло в больших открытых кадках, из которых теснящийся народ зачерпывал пиво деревянным ковшом, и, чтобы не проливать ничего даром, выпивал над кадкой, в которую стекало таким образом по бороде то, что не попало в рот. Притом, если у пришедшего выпить не оказалось денег, то он оставлял в заклад свой старый тулуп, рубаху или другое какое-нибудь носильное белье, без чего мог обойтись до вечера, когда получит поденную плату свою и заплатит за пиво; такой заклад по обыкновению вешался тут же на кадку, которая часто была кругом обвешана этой грязной рухлядью, но никто этим не брезговал, хотя нередко эта ветошь от тесноты сваливалась в чан и там преспокойно плавала в пиве по несколько часов».

Указ царя о начале строительства домов на Нижней набережной последовал 4 апреля 1714 года (*здесь и далее все даты до 1 января 1918 года приведены по старому стилю – Т.С.*), когда для стоянки на зиму балтийской эскадры было выбрано постоянное место – ближе к взморью, у края Васильевского острова (сегодня это набережная Лейтенанта Шмидта).

Участки на нижней набережной Петр I выделил самым богатым и предприимчивым – в основном тем, кто уже имел свои особняки в районе более ранней застройки: на Петербургской стороне. Для них такой участок являлся своеобразным налогом.

Прибывший из Англии француз, прославившийся своими путешествиями по Европе, Обри де ла Мотре, описывая ранний Петербург, отмечал: «Я бывал в обществе некоторых из тех, кого он [Петр I] обязал строиться на Адмиралтейском острове, и они говорили, что имели прекрасные дома в окрестностях Москвы с плодоносными садами и землями, доходы от которых были достаточны для удобной жизни в удовольствиях вместе с семьями, но они были вынуждены приехать сюда и жить в этом нездоровом и неприятном климате, где не могут иметь ничего, кроме чрезмерно больших расходов, средства на покрытие которых им приходится получать издалека».

В петровское время улицы не имели названий. Дома носили имена владельцев, которым нередко принадлежало по нескольку зданий в разных частях Санкт-Петербурга, поэтому в городе было сложно ориентироваться. Улицы стали получать имена лишь после 1737 года.

Оформление внешнего вида зданий, выходивших на набережные Невы, как своеобразного «лица» города, с первых лет застройки находилось в центре внимания властей. Петр I, а за ним и другие правители лично утверждали проекты фасадов всех домов, возводимых на набережных и главных улицах города.

Вид на Английскую набережную. Гравюра Бенджамина Патерсена

Здания с набережной не имели въездных арок, и до сих пор ни один из домов Английской набережной не имеет въездных ворот со стороны Невы. Здесь в XVIII веке, как правило, оформлялся парадный вход с высоким крыльцом.

В 1714 году, еще до указа о начале строительства на набережной, в центральных частях города были запрещены деревянные постройки, но повелением от 2 апреля 1718 года снова дозволено «по рисункам строить дома из дерева» везде, кроме набережных. (Указ Петра I гласил: «1714 года апреля в пятое царь указал смотреть Преображенскому полку поручику и надзирателю Андрею Быкову, чтобы на Адмиралтейском острове и по берегам Невы-реки и по большим протокам не строили деревянных строений, а строили мазанковые и прусские будинки».)

В начале 1717 года царь послал Меншикову из Парижа высочайше утвержденный проект «палат для именитых». А 31 мая года Меншиков писал сенатору, президенту Адмиралтейской коллегии Ф. Апраксину: «При сем к Вашему Сиятельству посылаю “априс”, каким маниром Его Царское Величество указал набережные дома строить».

Чрезвычайно интенсивно строительство домов на Галерной набережной велось в 1719–1721 годах. В 1720 году Петр I приказал «тем владельцам дворов на берегу Невы, у которых палаты подведены под кровлю, то есть вчерне закончены, срочно отделать по одному и более покоев, чтобы они могли перейти в них жить». Поспешность, с которой Петр строил город, отразилась и в указах, касающихся домов на набережных. Так, в указе от 1721

года говорилось, что «для сбережения строительных материалов позволяется между смежными домами делать только одну, а не две стены».

Одновременно с застройкой набережной осуществлялось ее благоустройство. Указом Петра от 25 мая 1715 года владельцам особняков вменялось в обязанность укрепление берега Невы, который находился в пределах их участков. Каждый домовладелец обязан был против своего двора «сваи бить, к сваям фашины класть и засыпать крепко-накрепко к воде». К концу 1718 года начали мостить улицы. Всем домовладельцам предписывалось «против своего дома землю посыпать песком и камнем, мостить гладко, по указанию мастеровых, которые были наняты полицией для указания жителям приемов вколачивания булыжника в песок рядами». Тем, кто не имел средств приобрести камень, таковой выдавался натурой.

Очевидно, в 1723 году на набережной еще возводились временные мазанки с хозяйственными деревянными строениями. Из слов петербургского полицмейстера А. Девьера мы знаем, что Петр I, пожелавший в начале 1723 года лично посмотреть, как идет строительство на набережной, был разгневан увиденным и сразу же на месте приказал ломать деревянные постройки. Такая участь постигла и домики Меншикова. Но несмотря на принятие самых решительных мер, застройка набережной при жизни Петра I не завершилась – оставалось немало пустующих участков.

Набережная при Анне Иоанновне

После смерти царя в 1725 году работы на какое-то время приостановились. А в январе 1728 года юный император Петр II вместе с приближенными выехал в Москву, не скрывая своего намерения в Петербург не возвращаться. И не вернулся: смерть настигла его внезапно. Однако и сменившая его на престоле Анна Иоанновна не спешила на берега Невы. Знать потянулась в Москву: все словно ждали, что российской столицей вновь станет Белокаменная. И все же любимому детищу Петра не суждено было погибнуть: двор вместе с императрицей в начале 1730-х годов вернулся в Санкт-Петербург.

И вот 10 июня 1732 года Анной Иоанновной был издан указ «Об исправлении строения в местах, для сего данных в Санкт-Петербурге, и об отделании берегов теми, кому были розданы места по Неве, ниже Адмиралтейства». Он гласил: «Данные места пусты и берега не отделаны, того ради указали мы <...> чтоб каждый против своего места берег, как надлежит по указу, отделал в нынешнем, 1732 году неотменно, и дома строили бы немедленно». Распределением незастроенных мест императрица занималась лично. Так, 30 апреля 1733 года она приказала объявить графам Скавронским, Гендриковым и Ефимовским указ о постройке ими на оставшихся пустых участках по набережной каменных домов «с деревень, как указы повелевают». Вскоре такое же повеление получил известный заводчик Никита Демидов. Определить конкретное место постройки дома должна была полицмейстерская канцелярия.

Интенсивное строительство домов на пустовавших участках началось без промедления. Здесь возводили свои дома корабельные мастера Ней и Немцов, князь Юсупов, вице-адмирал Сенявин, графы Шереметев, Матюшкин, Бутурлин, князь Хованский, архитекторы Еропкин и Чевакинский.

Строительство велось быстрыми темпами, так как хозяева участков боялись гнева императрицы. Уроком всем застройщикам послужил указ Анны Иоанновны от 6 июля 1733 года «О высылке из Москвы князя Михаила Голицына для достройки каменного дома на берегу Невы». Этот указ последовал вскоре после того, как князь уехал из Петербурга, не сделав нужных распоряжений по возведению дома.

Прошло менее пяти лет, и эта набережная, как и ранее Дворцовая, оказалась украшена каменными особняками со сплошными фасадами по одной линии. Такой тип строительства был новым для России. Петербург создавался по европейским образцам.

Схема построения участков

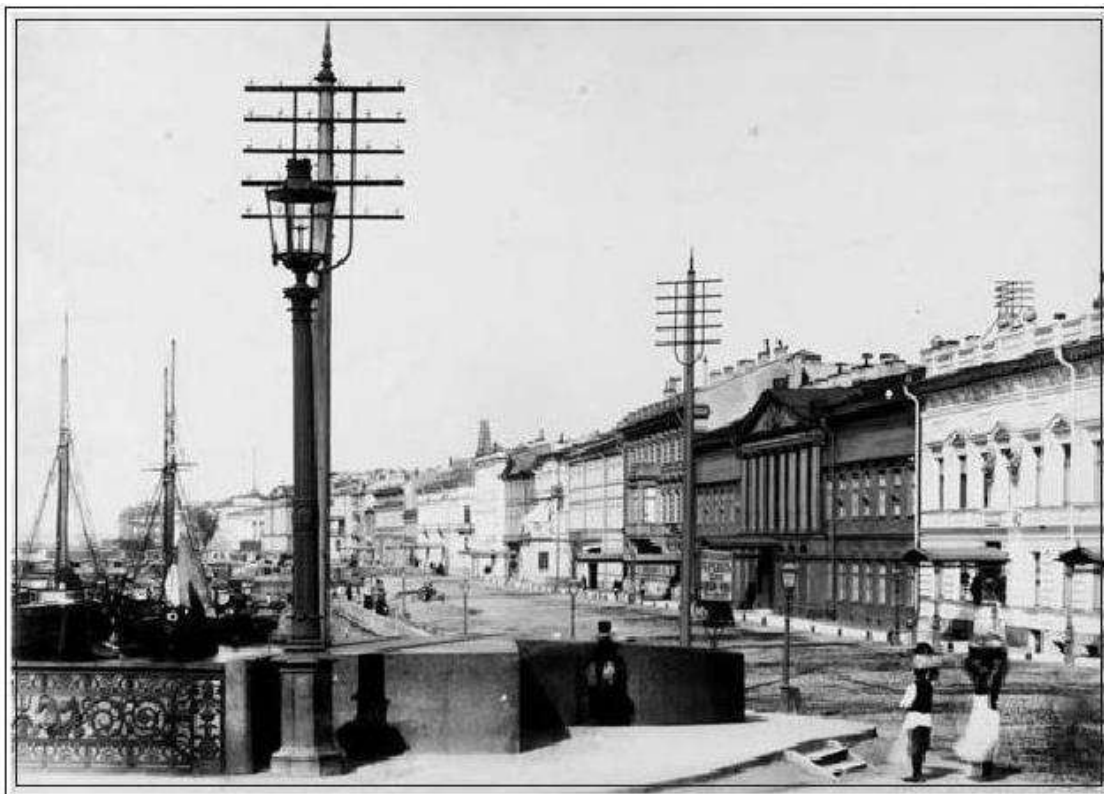
План М. Махаева (1753) дает представление о продвижении строительства вглубь участков. Поначалу все участки были усадебного типа, по схеме: главный дом с нарядным фасадом на набережной, от него отходили флигели, обычно расположенные по двум сторонам от главного здания. Каменные хозяйственные пристройки и флигели доходили до Старо-Исаакиевской, впоследствии Галерной улицы, являющейся как бы задворками набережной и идущей параллельно ей (до настоящего времени на набережной сохранился лишь один участок со схемой застройки XVIII века – дом № 54). Забором с воротами, а позднее павильонами или доходными домами завершался участок на этой улице. Она была проложена после 1720 года.

Подъезд к главному зданию на участке осуществлялся со стороны Старо-Исаакиевской улицы. Здесь, как правило, за каждой каменной оградой находился так называемый зеленый дворик с флигелями для прислуги.

Благоустройство и перестройка домов

В XIX веке в Петербурге стали модны комнатные сады, а дворики мостили, покрывали булыжником или кирпичом и застраивали. Нередко участок имел два двора: один обширный зеленый, расположенный при въезде, второй, меньший по площади, – парадный, который примыкал к главному дому, составляя с ним единую композицию. В зеленом дворе разбивали сад. Обычно в садах имелись отапливаемые оранжереи, где выращивали персики, груши, виноград, ананасы и разные другие диковинные для севера фрукты. Если не было естественного водоема, создавали искусственный; причем вырытую из котлована землю не увозили, а насыпали из нее небольшие горки зачастую с модными в XIX веке романтическими руинами (мода была навеяна сенсационными раскопками Помпеи и Геркуланума). С горок зимой катались на санях.

В XIX веке некоторые хозяева особняков строили и перестраивали дома со стороны Галерной улицы, сдавали их внаем, а сами проживали в основном здании, выходившем на набережную Невы. Во внутренних пристройках, флигелях и последних этажах главного дома жила прислуга, размещались гости. В хозяйственных помещениях находились конюшни, сараи для сена, каретные (впоследствии некоторые из этих помещений были перестроены под гаражи). Наиболее богатые владельцы участков, такие как Меншиков, Фредерикс, Румянцев и другие имели еще и хозяйственные строения на противоположной стороне Галерной улицы.

Английская набережная в 1890 году

Фасадам домов с набережной уделялось большое внимание и при их дальнейших перестройках. Проекты фасадов представлялись в комиссию о Санкт-Петербургском строении, в ведомственные учреждения, а затем императору. Если ему что-либо не нравилось в предстоящих переделках, на полях доклада он ставил вопрос. В таком случае заводилось дело с перепиской, доказательствами, расчетами. От хозяина и архитектора требовались дополнительные данные с обоснованиями работ, после чего вновь выполнялись чертежи, которые после вторичного рассмотрения представлялись императору. Переделки фасадов домов с Невы и на главных улицах в центре города начинались лишь по получении высочайшей подписи.

Проекты фасадов домов со стороны Галерной улицы, равно как и их изменения, на утверждение императору не посылались. Обычно доходный дом на Галерной улице был выше главного здания, поскольку хозяева старались извлечь от него максимум прибыли. Но даже при одинаковой высоте главного и доходного домов последний имел большее количество этажей за счет меньшей высоты каждого из них. Это была общая тенденция при перестройке доходных зданий во второй половине XIX и особенно в начале XX века, когда были сняты ограничения на высоту зданий.

Пока набережная еще формировалась, в конце ее существовала Галерная верфь, которая в 1740 году вместе со стоящими у берега судами и баржами была переведена на Васильевский остров.

Гуляния на Английской набережной

С середины XVIII и на протяжении почти всего XIX века Английская набережная являлась душой аристократического Санкт-Петербурга и излюбленным местом проведения всевозможных праздников. Здесь нередко можно было услышать так называемые петербург-

ские серенады: проплывавшие на лодках по Неве нарядно одетые музыканты услаждали слух владельцев особняков исполнением роговой и духовой музыки. Эти своеобразные концерты проходили ежедневно в течение трех летних месяцев с шести часов вечера до поздней ночи. Такие лодки можно видеть на гравюрах Патерсена, картинах Алексева и других художников.

В особняках на Английской набережной проходили, пожалуй, самые знаменитые в то время в столице балы. Лев Толстой, желая подчеркнуть парадность и значительность бала в романе «Война и мир», избрал местом действия особняк именно на Английской набережной.

Балы ждали, к ним задолго готовились, шили наряды. Имелись даже разработанные пространственные инструкции о порядке их проведения, приличествующем платью. Владельцы домов одно время взяли за правило никого не приглашать, но принимать всех приехавших. Гостей бывало всегда много: видные сановники, светские красавицы, петербургские знаменитости...

В начале XIX века на Английской набережной нередко можно было встретить Александра Сергеевича Пушкина. Его видели в домах у Лавалей, Остермана-Толстого, Никиты Всеволожского... Поэт охотно посещал балы и дружеские пирушки, читал на литературных вечерах свои произведения. Здесь, в здании Коллегии иностранных дел, он служил. В 1831–1832 годах в доме (ныне № 53) по Галерной улице Пушкин снимал квартиру. В то время его с Натальей Николаевной часто видели прогуливающимися по набережной.

В 1830–1840-е годы весной в дневные часы Английская набережная была «для лучшей петербургской публики» местом прогулок. Вот как описывает их «Северная пчела»: «Настало время года, в которое Невский не в моде для гуляния. Там ныне ходят и ездят лишь по делам <...> гуляющая же публика собирается от 2-х до 4-х часов на Английской набережной и наслаждается там первыми лучами весеннего солнца <...> на набережной можно пройтись от Сенатской площади, где обыкновенно остаются экипажи и лакеи гуляющих, до самого Нового Адмиралтейства по широкому гранитному тротуару, чистому и сухому в нынешнее время распутицы, тогда как на Невском проспекте на каждом шагу должно переходить через улицы по тротуарам, занесенным грязью <...> все гуляют по Английской набережной – одному из прелестнейших гульбищ Петербурга <...> тем более что мода на это гульбище продлится только до Светлого праздника, а там поведет она всех в зеленеющий Летний сад».

Это подтверждала и писательница М. Каменская. Вспоминая об одной из прогулок с отцом (известным художником, медальером Ф. Толстым) по Английской набережной, она писала: «...Народу на ней всегда была пропасть <...> не успели мы сделать несколько шагов по тротуару, как папенька услышал, что за нами следом кто-то быстро идет. Он обернулся и увидел государя Николая Павловича под руку с императрицей. Отец мой снял шляпу, сейчас же устранился с дороги и меня поставил спиной к гранитному парапету, чтобы освободить их величествам путь. Государь весело кивнул папеньке головой. Александра Федоровна милостиво нам поклонилась, и они пошли дальше. <...> Праздники прошли для отца моего благополучно <...> гуляльщики все с Английской набережной перекочевали в Летний сад».

Со временем установившийся в начале XIX века порядок гуляний изменился: в 1860-е годы множество народу собиралось на набережной не только в весенние, но и в зимние месяцы, когда на катке, который заливался на Неве, устраивали иллюминацию. Вот как описывал современник один из таких праздников: «Иллюминация эта <...> ожидается обществом с таким же нетерпением, как в театральном мире постановка трагедии «Смерть Иоанна Грозного». Еще задолго до иллюминации толпы любопытных со всех сторон Петербурга засновали по Английской набережной и по льду Невы, осматривая ледяные беседки, катки и деревянные столбы с разноцветными фонарями. Но вот зажглось электрическое солнце, за ним другое, третье, четвертое... Замигал винтообразно газ, запылала в фонарях

разноцветные огоньки, грянула музыка, и один за другим помчались щегольские экипажи с красавцами кучерами <...> на льду показались и барышни в щегольских костюмах, офицеры и джентльмены, почтенные люди и известные сановники. В 11-ом часу вечера английский каток удостоил своим посещением государь император с семьей. Это оживило всех присутствующих <...> и от самого входа на каток до беседки, в которой Его Величество изволил одевать коньки, встречала и провожала его густая масса публики».

Утилитарное значение набережной

Тех, кто прибывал в Санкт-Петербург водным путем, город поражал своим величием и красотой. Английская набережная, ставшая архитектурным украшением столицы, ее аристократическим символом, немало способствовала этому. Однако было у нее и иное, более утилитарное, но не менее важное назначение: с ее причалов корабли отходили в другие города России и в другие страны. Легкие парусные суда следовали на острова и в пригороды Петербурга.

К середине XIX века действовало четкое расписание движения пароходов, согласно которому с определенных причалов они уходили в различных направлениях. Так, от пристани на Английской набережной у Благовещенского моста они направлялись в Петергоф. К этому причалу были приписаны и постоянно курсировали по Неве два парохода придворного ведомства – «Салют» и «Стрела», и третий, попроще, «Максимилиан». Билеты покупали в конторе почтового ведомства, которая располагалась тут же, на Английской набережной. С другого причала (конного), находившегося ближе к устью, почти напротив почтового ведомства, ежедневно отправлялись пароходы с корреспонденцией во многие города мира.

Круизные лайнеры у причала «Английская набережная» в наше время

С появлением железных дорог судоходство на Неве постепенно утратило ту важную роль в хозяйственной жизни города, которую имело в прежние годы. Теперь с пристаней Английской набережной отправлялись в основном прогулочные суда. Центр города переместился ближе к железной дороге. Еще большее значение приобрела главная сухопутная

магистраль столицы – Невский проспект – с самым крупным в Петербурге железнодорожным вокзалом, Николаевским (ныне Московским).

Изменился и контингент владельцев домов на набережной. Наряду с высшей аристократией здесь поселились деловые люди. Это – железнодорожные магнаты Поляковы, а также дети известнейшего строителя железных дорог П. фон Дервиза. Богатые хозяева в соответствии с новой модой, тяготевшей к подчеркнутой роскоши и насыщенности декора, заново оформляли фасады своих домов, коренным образом переделывали все интерьеры.

В 1913 году известный знаток архитектуры В. Курбатов писал: «При въезде с моря после верфей и складов открываются виды Горного института с великолепным гранитным спуском, портиком и скульптурами. Далее – Николаевская набережная и Английская с бывшим Румянцевским музеем... Английская набережная отчасти сохраняет аристократический вид».

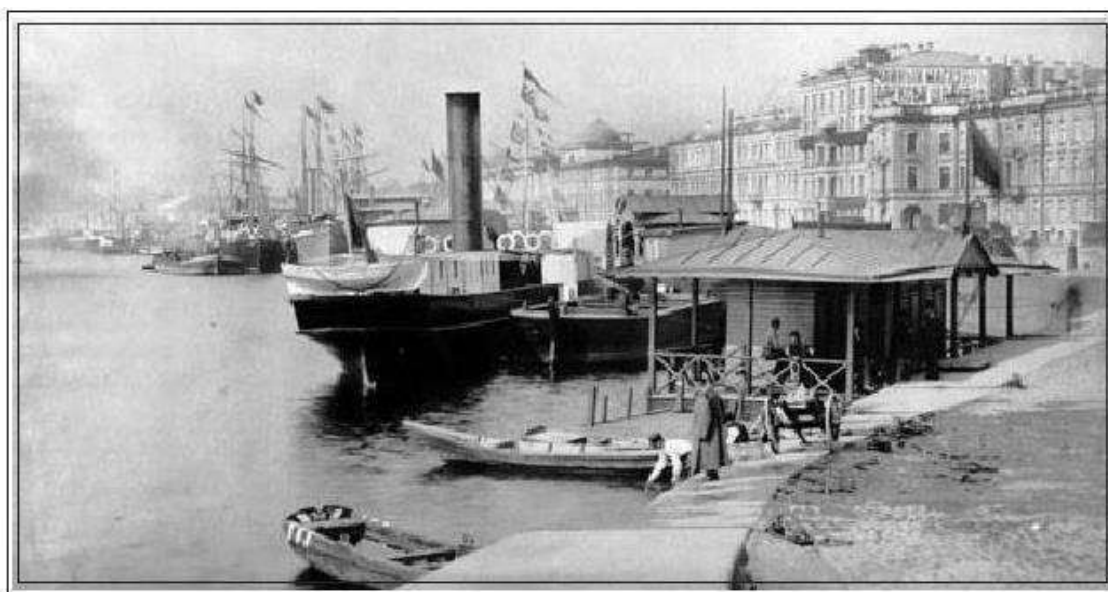
НАБЕРЕЖНАЯ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

О названии и назначении

В 1918 году Николаевская набережная была переименована в набережную Лейтенанта Шмидта (набережная Большой Невы – 1-я половина XVIII века – 1887 г., Николаевская – 1887–1918 гг.). Она названа именем одного из руководителей Севастопольского восстания 1905 года лейтенанта Шмидта, который в то время служил на Черноморском флоте. Его выступления против самодержавия завоевали большую популярность среди моряков, и те выбрали его пожизненным депутатом Севастопольского городского совета рабочих депутатов. Во время восстания 1905 года в Севастополе Петр Петрович встал во главе восставших кораблей Черноморского флота и поднял флаг командующего на крейсере «Очаков». Восстание было подавлено, а Шмидта 6 марта 1906 года расстреляли.

Набережная Лейтенанта Шмидта открывается первой с левой стороны при въезде водным путем в Санкт-Петербург из Европы через Финский залив. Она простирается от Горного института до Благовещенского моста (Николаевского, Лейтенанта Шмидта). Своим видом отличается от всех других набережных своеобразным «двухъярусным» исполнением. Это объясняется тем, что еще в первые годы существования Санкт-Петербурга, а именно – в 1714 году, это место Петр I выбрал для причала и постоянной стоянки морских и грузовых судов. С тех пор нижняя набережная во все времена выполняла эти функции.

В ранний период строительства города, когда из транспорта существовали только лошади с экипажами, Нева была главной водной магистралью, по которой доставлялись строительные материалы, прибывали иностранные мастера, путешественники и все, жаждающие увидеть новый русский город. А значит, въезд в город должен производить хорошее впечатление на прибывающих из цивилизованной Европы.

Николаевская набережная в 1890 году

В петербургском порту, расположенном тогда на Стрелке Васильевского острова, ежегодно швартовались сотни кораблей. Так, известно, что только в 1724 году по Неве прибыло

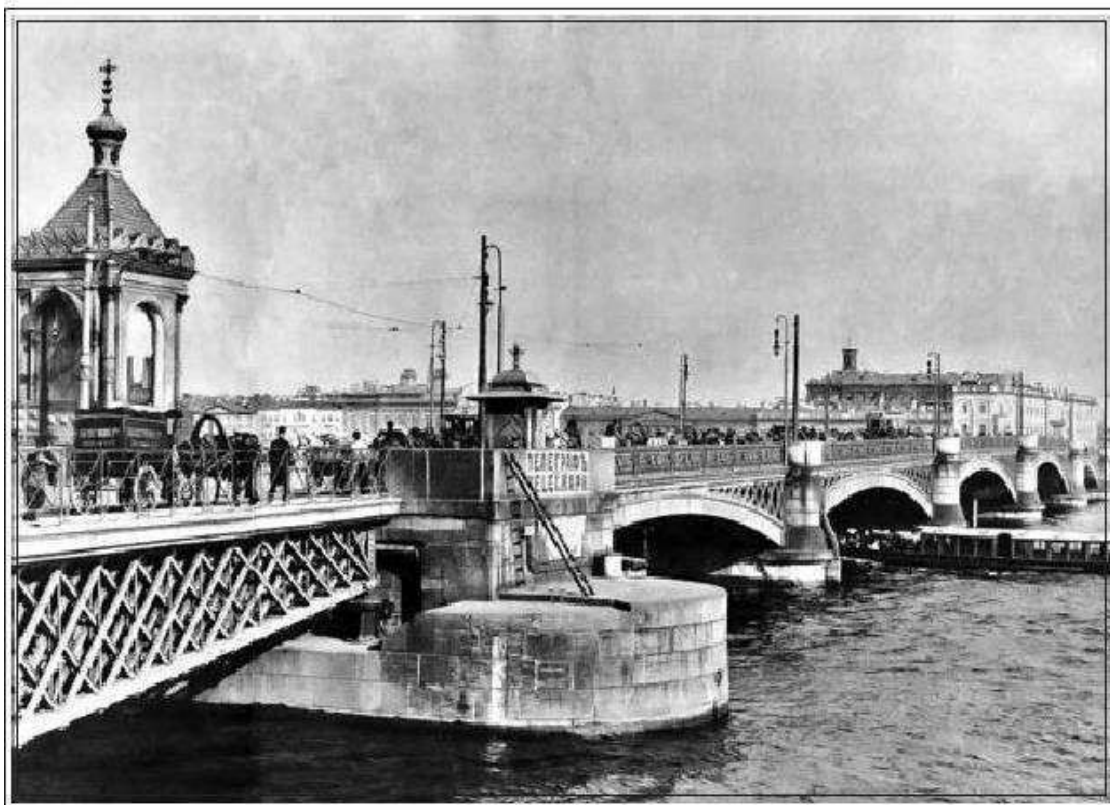
240 иностранных кораблей с различными товарами. С каждым годом судов приходило все больше и больше. Непрезентабельный вид этой набережной портил впечатление от молодой столицы, необходимо было срочно ее преобразить.

О проекте застройки набережной

Уже были построены прекрасные гранитные набережные на Адмиралтейском острове, а этот берег так и оставался не отделанным. И вот, в 1762 году, во времена царствования Екатерины II, появился указ: «На Васильевском острове по Большой Неве-реке берег по то место как линии кончатся сделать по примеру как сделан на Адмиралтейской стороне». В правление Александра I был отделан гранитом берег Университетской набережной, а на этот участок Невы, протянувшейся на 1366 метров, от 7-й линии до 22-й, все не находилось средств.

Работы по отделке берега в гранит развернулись лишь в связи с постройкой первого постоянного моста через Неву, который сооружался по проекту капитана корпуса инженеров путей сообщения С. Кербедза и первоначально был назван Благовещенским по имени стоявшей на Адмиралтейском берегу церкви.

В 1855 году мост переименовали в Николаевский – после того как на мосту, ближе к правому берегу, в промежутках между крыльями разводного пролета, архитектор Штакеншнейдер возвел часовню «во имя Святого Николая Чудотворца», считающегося покровителем моряков. Часовня была возведена в память по случаю смерти императора Николая I, благодаря указаниям которого произошло строительство моста и оформление набережной (часовня просуществовала до 1930 года). С этого же времени набережная, до той поры не имевшая названия, впервые получила свое имя. Как уже сказано, она стала называться Николаевской.

Николаевский мост с часовней Штакеншнейдера, 1903 год

В связи с тем, что набережная оформлялась позднее всех набережных Большой Невы, которым не хватало простора, было решено, насколько позволяли возможности, увеличить ее ширину. Сегодня она самая широкая на Большой Неве.

В отличие от набережных Адмиралтейского острова – Дворцовой и Английской, где автор гранитного оформления не оставил в истории своего имени, автор обложения гранитом этого берега известен. Им стал инженер, член Комитета путей сообщения Аполлон Серебряков. В основу оформления этого берега был положен замысел Петра I: сделать набережную пригодной для стоянки судов. В 1847 году проект был окончательно утвержден и начались работы по его реализации. По замыслу Серебрякова набережная должна была стать большой пристанью для швартовки купеческих судов, и, «сообразно с местными надобностями», она разбивалась на пять различных по исполнению участков.

Первый – ниже моста. Это плавный съезд с набережной на лед. На этом спуске к Неве предполагалось в зимнее время выпиливать лед. (В то время невский лед использовался горожанами в качестве холодильника. Нагруженные льдом сани по плавному спуску увозили в разных направлениях.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.